

Н. В. Бойко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Гуманитарные универсалии в современном культурном пространстве

Бойко Н. В. Гуманитарні універсалиї в сучасному культурному просторі. У статті розглядаються гуманітарні універсалиї, які на сутнісному рівні визначають життя людини в усій його культурній інфраструктурі (це думка – знання – словесна творчість – розуміння – інтерпретація – інтертекстуальність), а на методологічному рівні визначають їхній взаємозв'язок, їхню взаємозумовленість у пізнанні людиною Світу, що його оточує, і не лише у частковостях, а й в усій його цілісності.

Ключові слова: *гуманітарні універсалиї, думка, знання, розуміння, інтерпретація, інтертекстуальність.*

Бойко Н. В. Гуманитарные универсалии в современном культурном пространстве. Рассматриваются гуманитарные универсалии, которые на сущностном уровне определяют жизнь человека во всей ее культурной инфраструктуре (это мысль – знание – словесное творчество – понимание – интерпретация – интертекстуальность), а на методологическом уровне определяют их взаимосвязь, их взаимообусловленность в познании человеком Мира, который его окружает, и не только в частностях, но и в его целостности.

Ключевые слова: *гуманитарные универсалии, мысль, знание, понимание, интерпретация, интертекстуальность.*

Boyko N. V. Humanitarian Universals in the Contemporary Cultural Space. The article is a study of humanitarian universals which, at the level of essence, define the human life in its whole cultural infrastructure (thought – knowledge – verbal creativity – understanding – interpretation – intertextuality), and, at the methodological level, define their interrelationship, their interconditionality in the human understanding of the World not only in particular cases but also in its entirety.

Key words: *humanitarian universals, thought, knowledge, understanding, interpretation, intertextuality.*

В процессе осмысления духовно-мировоззренческих, культурных, словесно-творческих периодов во временном континууме Бытия возникает большая методологическая проблема, связанная с характером и способом исследования объекта. Фетишизация таксономического метода, широко распространенная в научном сознании, оборачивается ограничением исследовательской мысли пределами, устанавливающи-

ми объем названного понятия, которое приобретает самодостаточный характер. Исследовательская парадигма развивается и разветвляется в коконе уже устоявшейся культурно-научной номинации, не претендуя на выход в другое мыслительное пространство. В этом смысле можно рассматривать и философско-теоретический ряд модернизм – постмодернизм – пост-постмодернизм с его широкой гуманитарной

исследовательской специализацией. Поэтому актуальным представляется осмысление универсальных гуманитарных категорий, связывающих мысль и Бытие в творческое единство.

Мысль может иметь непреходящий характер – безусловность и достоверность вне времени. Это делает возможным приложимость ее к новым жизненным контекстам. Определенный смысловой акцент, который в том или ином мыслительном контексте включается в новую концептуальную связь, актуализируется аттракционным способом. Так, например, мысль Р. Декарта «... не искать никакой науки, кроме той, которую можно найти в себе самом» [4:2] может сопрягаться с разными гуманитарными концепциями современности, осмысливающими личность и Бытие в их жизнеобразующих связях.

В первую очередь, очевидна связь этой мысли, дуалистически организованной противоположными принципами эвристичного и накопительного знания, с сущностью научного сознания и научного дискурса. Эвристичность утверждает безусловную ценность личности, ее мыслетворческого и жизнеобразующего потенциала, в процессе реализации которого могут возникать уникальные творческие мыслительные или художественные феномены. В основе таких феноменов лежит субъективность как созидательная деятельность, они объединяются личностным первородным осмыслением жизни, идущим от столь же личностного понимания природы явлений, происходящего без видимого влияния культурно-психологических стереотипов. Другой принцип определяет суть эрудиции, вторичной по источнику формирования мысли и жизненного опыта, идущей от чужой мысли, чужого знания, пусть даже общечеловеческого, общепринятого. Мысль в этом случае формируется в контексте чужих авторитарных концепций, значимых имен, одна только причастность к которым обеспечивает ее ценность в общественном сознании. Этот принцип работает в культурном срезе общественной инфраструктуры, где «вторичное» и «чужое» представляют феноменологическую сущность продуктов человеческой деятельности. Разумеется, такая методологическая оппозиция представляет самую общую схему мыслительной деятельности Личности на уровне ее отношений со знанием и культурой. Природа мыслительного и творческого процесса сочетает в себе и эвристичность, и эрудицию – взаимоисключающих, на первый взгляд, понятий.

Уточняющая мысль снимает оппозицию такого противопоставления: «Это верно, что «душа вычисляет, сама того не ведая» (Лейбниц), однако при более пристальном взгляде на «ма-

тематические» эти механизмы выясняется, что все же ... ведает – не явно, но тайно. Здесь имеется в виду так называемая криптогноза – знание, скрытое от своего носителя, гигантские отложения жизненного опыта, приглядок, прикидок, «горестных» и всяких иных «замет». Таким образом, нередко случается, что мы чего-то не знаем, но что-то знает в нас. Речь идет о знании не эмпирическом, но, скорее, экзистенциальном, захватывающем всего человека. Знание «всем человеком» – это опыт внутренний, и эрудиция – лишь один из питающих его корней» [2:17]. Эта мысль, с одной стороны, актуализирует экзистенциальность мыслительного творческого пространства, «личностность» образующих его параметров, самодостаточных вне социально-культурных значимостей, а с другой, – открывает новый взгляд на жизнь человека в культурно-текстовом пространстве, на взаимодействие с феноменом знания как источником созидательного опыта человека. В этом контексте, наверное, самой значимой составляющей «чужого» опыта как присвоенного знания – значимой и по содержанию, и по словесно-эстетической выраженности этого содержания – есть художественная литература, которой современная философская мысль придает статус своего рода глобальной теории познания, исследующей язык, бессознательное, религию, общество, вообще жизнь.

Представления о смысле связей человека с художественной литературой, существующие в общественном сознании, выглядят в самом общем виде определенными и как бы общеизвестными. Эти представления разделяются на противоположные типы: 1) вульгарно-социологический, вульгарно-идеологический, декларативный, императивный и 2) элитарно-эстетский, предполагающий понимание высокого смысла художественного творчества. Но эти два типа, несмотря на, казалось бы, очевидную разность, конвергентны. Они смыкаются в позитивистской точке завершенности такого контакта в акте понимания текста. Презумпция непознаваемости художественного текста не выводится на уровень аргументации, размыкаясь в концепцию множественности смыслов художественного произведения, связанную не столько с самим текстом, сколько с его восприятием (Кант – Гегель – Шеллинг – В. Гумбольдт – Потебня – Ингарден – Бахтин).

И первый, и второй концептуальный тип формируется и проявляется (и мыслительно, и словесно) в модусе долженствования, направленном на формирование культурного сознания. Модус «так должно» принципиально исключает

мыслительный подход к самой главной гуманитарной проблеме – проблеме восприятия художественного текста, оставляя ее рассмотрение на уровне публицистических дискуссий. Эти дискуссии могут быть примером принципиальной разницы между публицистическим и научным дискурсами как поверхностным видением и глубинным пониманием определенного фрагмента действительности. Более того, словесное выражение мыслительного содержания, организованное в соответствии с ценностными категориями своего времени, может мистически соответствовать предметно-понятийной реальности другого жизненного контекста.

Так, например, цитируемая далее мысль В. Гумбольдта (1796 г.) воспринимается, как вполне современное суждение: «Но когда все окружающее нас теряет устойчивость, надежное убежище остается только внутри нас, и с тех пор, как в одной из самых важных и развитых частей света произошла фактическая переориентация всех отношений, остается неясным, в какой мере они сохранили стабильность в других местах, тем более, что в наш философский век эта переориентация выглядит как нечто единственно правомерное, абсолютно и морально необходимое» [3:337]. Очевидно, в рассмотренных философских фрагментах (Р. Декарт, В. Гумбольдт) заключен вневременной мыслительный потенциал: в них осмысливается личность – основная категория Бытия – в ее связях с культурно-цивилизационными структурами окружающего мира, которые основываются на вневременных универсалиях, организующих человеческую жизнь.

Научное сознание пытается осмыслить универсальную природу гуманитарной картины мира. Личностный смысл, определяющий отношение Я к окружающему Миру, связывает в одну научную парадигму и методологические категории (субъективность – объективность – точность – фикциональность), и феноменологические – (архетип – дискурс – текст – диалог – аттракция – интертекстуальность). Эта универсальная понятийно-категориальная сетка дает возможность осмыслить природу связей Личности и окружающего ее духовно-культурно-социального Мира. В ряду этих универсалий интертекстуальность замечательна своей очевидностью, словесной реальностью, доступной для узнавания и понимания на разных уровнях человеческого сознания – от обыденного до научного. Эта категория определяет характер культурного пространства, уровень генетической памяти общественного сознания, обеспечивающий связи Человека с текстовым богатством Мира: вступая в большой диалог с культурой, человек

ищет мыслительной, эмоциональной, словесной поддержки в осознании своей самодостаточности через причастность к безусловно значимому и общепризнанному – «чужому» тексту.

Современное коммуникативное пространство утрачивает духовно-культурные составляющие элитарного порядка (в первую очередь, классическую литературу), которые были стержнем нравственного, духовного, эстетического сознания на протяжении предыдущих (XIX–XX) веков. Литературная доктрина в культурной ситуации того времени предполагала духовное напряжение и активную мыслительную работу Человека. Восприятие литературного текста было связано с переживанием катарсиса, высочайшего накала эмоционального и интеллектуального напряжения. Такое восприятие текста было принято в модусе со-переживания, со-страдания, в модусе интеллектуальной интерпретации, то есть перевода художественного дискурса в научные смыслы соответствующих (доступных интерпретатору) парадигм. Фактор работы, усилия (духовного, нравственного, интеллектуального, чувственного) и безусловного обязательства перед высоким долгом Бытия – (Душа обязана трудиться! – Н. А. Заболоцкий) – таким был определяющий принцип литературной доктрины с ее презумпциями культурного сознания.

На смену литературоцентричной субъективности, обеспечивающей связь человека с литературой, приходят новые эрзацсоставляющие массовой культуры. Воплощенные в распространенных жанрах СМИ – реклама, анекдот, рецепт, кроссворд, гороскоп, они формируют текстовый массив чтения современного человека. Эти жанры-заменители связаны с различными формами современного общественного сознания и различными дискурсивными практиками¹. Угасающая и уже почти угасшая в совре-

¹ Так, реклама в ее когнитивных, прагматических и эстетических аспектах обнаруживает связи с фикциональным дискурсом, определяющим отношения человека с миром. Эти отношения устанавливаются на основе этического конфликта или признания лжи как принципа организации жизни. В свою очередь, анекдот в поэтическом смысле представляет собою жанр непрямого повествования. Этот жанр обращен к утонченной сфере умственной и чувственной жизни человека. Он актуализирует мыслительные и языковые возможности читателя в восприятии несистемных, немодельных связей смысла и формы в их смещенном по отношению к нормативной модели мира изложении. Рецепт как жанр, напротив, актуализирует связи с обыденным дискурсом в его познавательных и практических установках. Кроссворд в этой жанровой парадигме проявляет, с одной стороны, особенности современного культурного сознания, разорванного и коллажного, которое размыкается в виртуальные миры человеческой жизни. С другой, – это своеобразный заменитель культурно-научного пространства, которое все-таки необходимо читателю с соответ-

менном культурном общественном сознании элитарная литературная интертекстуальность уступает свою культурную и семиотическую роль (литературоцентричность) новым культурно-текстовым связям, по-разному проявляющимся в разных дискурсивных практиках.

В научном осмыслении интертекстуальности, кажется, существует определенный перекося в сторону утверждения постмодернистской природы данной категории. С легкой руки Ю. Кристевой, которая ввела этот термин в научный обиход (1967 г.), он стал «не только инструментом анализа литературного текста или описания специфики существования литературы, но и для определения того миро- и самоощущения современного человека, которое получило название постмодернистской чувствительности» [6]. Если понятие постмодернистской чувствительности рассматривать вне метаязыковых не прямых аббераций смысла и понимать его в прямом языковом значении, то оно входит в противоречие с современной жизненной ситуацией. «Чувствительность» в силу своей феноменологичности не определяет особенностей современного общественного и усредненно-личностного сознания. Тотальная прагматичность современного общественного сознания порождает такую организацию всей культурной инфраструктуры, которая принципиально исключает чувствительность как природное свойство экзистенциальности. На фоне нравственной доктрины XIX–XX веков, ее основного принципа отношения к жизни, который можно определить как терпение и преодоление трудностей, новое время утверждает принцип потребления благ окружающего мира и наслаждения этим процессом.

Современная гуманитарная мысль (философы, семиотики, литературоведы, культурологи – А.-Ж. Греймас, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, М. Риффатер, Р.-А. де Богранд, В. У. Дресслер, Ш. Гривель, Ж. Женетт) создала очень широкую теоретическую парадигму, осмысливающую Личность – Автора – Читателя – Текст – Слово – Культуру в сопряженных с ними категориях смысла – формы – части – целого – своего – чужого. Метадискурс теоретических парадигматических разветвлений порождает эффект восприятия излагаемых смыслов в модусе их безусловности. Очевидно, это предопределяется, в первую очередь, онтологической универсальной

вующими потребностями и возможностями, пытающемуся включиться в интеллектуальное и культурное знание, пусть даже и в его псевдоэнциклопедической организации. В контексте жанров-заместителей, соответствующих современному мифологическому сознанию, как фрагмент фикционального дискурса может рассматриваться и гороскоп.

значимостью объекта понимания, смысл которого, с одной стороны, уже вошел общепринятой ценностью в коллективное сознание. С другой стороны, – воспринимающие возможности Человека подчиняются энкратическим интонациям, интеллектуальным метаформам, терминологии метаязыка. Читательское воображение поражает, завораживает уверенный научный дискурс, строящийся на безусловных утверждениях, организованных в понятийно-классификационные ряды по принципу структурно-системной парадигмы гуманитарного знания¹. Принцип научной таксономии, апробированный научной практикой, создающий иллюзию безусловности и завершенности в осмыслении объекта, снимает феномен незавершенности знания и непознаваемости объекта в его однозначной определенности. Очевидно, в осмыслении дискурсивных практик в культурном пространстве постмодернизма можно использовать принцип антиномического осмысления тенденций, организующих литературный процесс согласно его противоречивой природе.

Можно представить такой антиномический ряд:

1. Полутермин, полумифологема «смерть автора» (Р. Барт) в антиномическом соответствии с автором нового типа утверждают взаимодействие мыслительной рефлексии и здравого смысла в понимании сущности объекта.

2. Антиномия отчуждения текстовых фрагментов от художественного целого, превращения части в самодостаточное целое и создание индивидуального художественного дискурса, порождающая эффект метафизической ауры текста, в котором взаимодействуют духовные миры разных времен и культур.

3. Антиномия не прямых смыслов, извлекаемых из «чужих» текстов, создающих эффект иронии в восприятии культурных словесных фрагментов, и безусловная общечеловеческая установка на сохранение культурных и духовных ценностей.

4. Антиномия умозрительного отрицания некоторых ценностей и утверждение их только в случае экзистенциального переживания.

Этот ряд оппозиционных сущностей, определяющих словесную культуру постмодернизма в ее интертекстуальном проявлении, можно завершить предположением о пантеизированном

¹ В этом смысле показательной может быть пятичленная классификация разных типов взаимодействия текстов, предложенная Ж. Женеттом [5]: интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.); паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д.; метатекстуальность как комментирующая и часто критическая на свой текст; гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

характере отношений между текстами – «новым» и «старым». «Старый» текст цитируется не только потому, что это нужно тому, кто цитиру-

ет, но и потому, что это желанно старому тексту. Он требует прожития новой жизни в другом текстовом пространстве другой культуры.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Ролан Барт. — М. : Прогресс, 1989. — 615 с.
2. Вайман С. Т. Неевклидова поэтика / С. Т. Вайман // Работы разных лет. — М. : Наука, 2001. — 479 с.
3. Гумбольдт В. О духе, присущем человеческому роду / Вильгельм фон Гумбольдт // Язык и философия культуры. — М. : Прогресс, 1985. — С. 337.
4. Кристева Ю. / Юлия Кристева // Избранные труды: Разрушение поэтики. — М. : РОССПЭН, 2004. — 653 с.
5. Женетт Ж. / Жерар Женетт // Фигуры. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с.
6. Ильин И. П. Интертекстуальность / И. П. Ильин // Постмодернизм. Словарь терминов. — М. : Интрада, 2001. — С. 100—105.